

Шахматисты на аллеях парка¹

Советская детская литература во многом служила пропагандистским целям, показывая примеры классового неравенства в дореволюционной России. Помнится, в одной из иллюстрированных книжек для младших школьников были изображены «пролетарские» дети, наблюдающие из-за парковой решетки за чинно гуляющими буржуа, офицерами в белых перчатках и боннами с детьми. На заднем плане играет военный оркестр, на ветру полощутся кружевные зонты и парусиновые крыши летних ресторанов. Естественно, для самих детей рабочих путь в такие парки был заказан. Предполагалось, что советская власть всё изменила – наконец-то дворцы и парки, превращенные в санатории и зоны культурного отдыха, распахнули свои двери для всех трудящихся. Действительно, культурный отдых стал массовыми, хотя вход в большинство подобных парков и в советское время оставался платным, а значит, не столь доступным, на фоне невысоких доходов населения в первые десятилетия советской власти.

Советский парк культуры и отдыха являлся пространством, с одной стороны, выполнявшим цивилизаторские функции в терминологии Норберта Элиаса², с другой – наделявшим каждую возрастную и гендерную группу подходящим для нее видом активности: влюбленные пары катаются на лодках, молодые люди призывного возраста прыгают с парашютной вышки, пионеры играют в волейбол, дети едят мороженое, а пожилые люди читают газеты и играют в шахматы на открытом воздухе³. Наряду со школьным классом, заводским цехом, казармой, парк становился пространством, где советский человек оказывался погруженным в коллективное со-бытие с другими гражданами⁴. Отличие заключалось лишь в том, что, например, коммунальная квартира предусматривала вынужденное погружение в коллективное, тогда как минимальный выбор: отказаться от похода или идти в парк – все же оставался. По сути, все парки служили советскому образу жизни, даже если это были сады, окружавшие дворцовые комплексы. Просто имперское прошлое таких парков (Петергоф, Царское Село) стало работать на сталинское имперское настоящее, столь рельефно проявившее себя в послевоенной советской идеологии.

Дворцово-парковый комплекс «Царицыно» долгое время оставался пространством с неясной судьбой: готические развалины и английские аллеи соседствовали с лодочной и лыжной станциями и прочими атрибутами парка культуры и отдыха⁵. Тут же находились советские учреждения, коммунальные квартиры и даже

¹ Работа выполнена при поддержке программы "Научный фонд ГУ-ВШЭ", коллективный исследовательский проект "Учитель-ученики" 10-04-0005 "Человек и публичное пространство в современной Москве: исследование культурных трансформаций (на примере Государственного музея-заповедника Царицыно)".

² Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.:СПб: Университетская книга, 2001, с.111-118.

³ В советском изобразительном искусстве культурный отдых советских граждан нашел отражение, например, в картинах А. Мониной «Вид Москвы с Воробьевых гор» (1934 г.), «Новые времена» (1935).

⁴ Как считает Е. Сальникова, в анимационном сериале «Ну, погоди!» отображены и стабильные советские приметы социального пространства и нравов, и начало новых трансформаций общественного бытия. Волк и Заяц пробегают по всем знакомым для советской обыденности местам с узнаваемой советской пластикой форм и ситуативных нюансов: тут и парк культуры и отдыха, и улицы с таким узнаваемым типом лавочек, урн, автоматов с газированной водой и милицейским мотоциклом. Действительно, каждая серия «Ну, погоди!» разворачивается в декорациях какой-либо советской институции – от музея до колхоза, а Волк и Заяц становятся «героями» И. Гоффмана, переключающимися базовый фрейм конвенционально принятого поведения. Сальникова Е. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, герои, сюжеты. М.: ЛКИ, 2008, с. 267-269.

⁵ Тотального преобразования в советский парк культуры и отдыха в 1930-е годы Царицыно избежал во многом благодаря относительной удаленности от центральной части города. Г.Н. Яковлева по этому поводу заметила: «Парк Кусково рассматривался в основном как музейный, Царицыно и Коломенское, находясь в относительной удаленности от городской застройки, превратились

районный суд. Появление музея не изменило ситуацию до самого начала реконструкции двухтысячных - самые разные институции и сообщества претендовали на место под сенью царицынского парка. Социальная этнография Царицыно еще ждет своего часа – немногочисленные подобные исследования были спровоцированы масштабной реконструкцией и в большей степени связаны с изменением археологической и экологической ситуации в парке⁶. Между тем, неясность назначения и относительная заброшенность Царицынского паркового комплекса способствовали появлению на его территории в разное время различных городских сообществ и субкультур: от неоязычников, хиппи и «ролевиков» до шахматистов, волейболистов, рыбаков-любителей. Начиная с середины восьмидесятых, в парке соседствовали те, кто составлял «легальное» население типичного советского парка культуры и отдыха, и «альтернативщики», не вписывавшиеся в рамки окультуренного отдыха советских граждан. В этой статье мы сосредоточимся на характеристике одного из сообществ, давно приватизировавших часть паркового пространства и сумевших отстоять свое право на занимаемое место даже в условиях радикальной реконструкции Царицыно. Этим сообществом являются шахматисты, локализующиеся неподалеку от Большого Дворца – в самом центре паркового комплекса. По сути это будет первый опыт социальной антропологии пространства Царицыно и этап на пути составления этнографического атласа сообществ парка.

Наше описание базируется на предварительных результатах включенного наблюдения и интервью с представителями исследуемых сообществ. Исследование ведется с января 2010 года, и в настоящее время продолжается.

Шахматисты составляли почти обязательный элемент пейзажа большинства советских парков культуры и отдыха. Парковые шахматы поощрялись администрацией парка, поскольку представляли собой тихий и безопасный способ проведения досуга, в отличие от азартной игры в карты или «забивания козла», высмеиваемого в карикатурах как символ праздного безделья в цеху. У игры в карты был сомнительный имидж «первого шага в преступный мир»⁷, а домино относилось к забавам лодырей, уваливающих от работы. Шахматы же имели образ интеллектуальной игры, с одной стороны, доступной широким массам трудящихся, а с другой - демонстрировавшей успехи советского спорта на мировой арене после того как наши шахматисты несколько раз подряд становились чемпионами мира⁸. Для игры в шахматы не требуется много людей, места, дорогостоящего оборудования, и поэтому в любом советском пансионате, санатории, доме культуры или парке шахматы выдавались напрокат. Шахматные клубы были широко распространены - от дальних военных гарнизонов до начальных школ и научных институтов⁹. В какой-то момент шахматная тема настолько навязла в зубах, что стала использоваться в литературе в качестве фона

в «природные» парки». См. Яковлева Г.Н. Парки в структуре Москвы 1930-х годов/Советское градостроительство 1920-1930-х годов: Новые исследования и материалы М., 2010, с.71-87.

⁶ В связи с этим пристального внимания заслуживает сборник «Царицыно: археология современности», авторы которого анализировали различные вещи, обнаруженные на территории Царицыно в процессе реконструкции, и пытались реконструировать недавнюю историю парка по этим незначительным материальным свидетельствам: мелким монетам, гильзам от огнестрельного оружия, граффити на стенах руин, неоязыческим капищам, возникшим в девяностые. См. Кренке Н.А., Александрова О.И., Ершов И.Н., Леонова Е.В., Нефедов В.С. Царицыно: археология современности/ М.: «Трэвел-Дизайн», 2008.

⁷ До поздних советских времен в пионерских лагерях и школах запрещалось приносить и играть в карты. По воспоминаниям детей, бывавших в пионерских лагерях семидесятых – зачастую они сами рисовали карты по памяти и тайно играли во время тихого часа и после отбоя. О быте в пионерских лагерях см. пост и обсуждение в журнале <http://germany.ch.livejournal.com/142423.html?page=2>

⁸ Начиная с 1948 г. с кратким перерывом на 1972-1975 гг., когда чемпионом мира был Роберт Фишер, шахматная корона находилась у советских спортсменов.

⁹ Ранние версии советской шахматной лихорадки блестяще описаны в знаменитом романе «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, а также в комедийном художественном фильме 1925 года: Шахматная лихорадка, худ. фильм, реж. В. Пудовкин, Н. Шпиковский, производство: Межрабпом-Русь, Совкино.

чеховских страстей советского маленького человека. Достаточно вспомнить фарсовый рассказ В. Аксенова «Победа», где случайные попутчики играют в шахматы в купе поезда, или короткий рассказ А. Вампилова «Эндшпиль»¹⁰, в котором шахматы стали лейтмотивом летней скуки в доме отдыха. В иерархии шахматного мира парковые шахматы занимали странное положение. Часто не имея формального клубного статуса, шахматисты собирались десятилетиями на одном и том же месте - но с другой стороны, нередко парковые шахматисты становились мастерами спорта, профессионалами.

В московских парках есть несколько известных площадок, где можно увидеть шахматистов: в саду Эрмитаж в шестидесятые-семидесятые собирались многие шахматисты-любители, в Сокольниках к американской выставке 1959 г. был сооружен шахматно-шашечный павильон в модернистском духе, вокруг которого до сих пор существует местное сообщество шахматистов, в Филевском парке есть полуоткрытая беседка на три стола, в Нескучном саду под навесом расположен клуб «Белая ладья», действующий, несмотря на то, что основной павильон сгорел еще в 2000 г. Есть еще несколько площадок, менее известных среди шахматистов-любителей¹¹. Царицыно относится к числу самых известных и популярных мест парковых шахмат, хотя и не может похвастаться столь же долгой историей существования шахматного сообщества, как, например, Сокольники¹².

По оценкам самих участников царицынского шахматного сообщества, оно возникло в первой половине 1990-х гг., когда, казалось, anomия и невозможность коллективной мобилизации стали ключевой общественной тенденцией. А здесь сообщество родилось, когда *«пришли два-три человека, вкопали столы и начали играть, а вокруг стали собираться и другие»*. Место и материальные объекты сыграли существенную роль в генезисе сообщества шахматистов - место оказалось одинаково удобным для тех, кто добирается от ближайших метро «Царицыно» и «Орехово», а появление первых оборудованных точек для игры – столов и скамеек способствовало социальной самоорганизации шахматистов. Они объединились вокруг вещей и содержательно освоили пространство. Прагматические соображения в локализации играющих – равноудаленность от главных дорожек и станций метро - со временем были дополнены символическим смыслом – *«мы собираемся здесь уже пятнадцать лет»*. Царицынские площадки для игры в шахматы стали местами коллективной памяти. По мнению М. Хальбвакса, общие воспоминания участников группы, касающиеся событий происходивших в данном конкретном месте, наделяют данное пространство символическим значением, важным для групповой идентичности, формируя то, что можно назвать коллективной памятью, устной историей сообщества. Для локализации своих воспоминаний, индивид мысленно ищет ориентиры, реперные точки памяти. Поддержание единой рамки памяти осуществляется благодаря опорным точкам, существующим вне индивидуальных воспоминаний и установленных обществом¹³. Пространство, конечно, служит одним из таких ориентиров. М. Хальбвакс обращает внимание на смысловую структуру пространства, которая задается группой и разделяется её участниками. В этом отношении варианты интерпретаций пространства соответствуют числу групп, связанных с ним. Группа как бы создает из пространства социальную рамку, которую использует далее для упорядочивания воспоминаний.

¹⁰ По этому рассказу снят короткометражный фильм с участием Олега Борисова «Эндшпиль», реж. В. Бутурлин, Ленфильм, 1980 г.; В 1972 году В. Высоцкий написал диптих «Честь шахматной короны», где от имени советского обывателя рассказывается о напряженном шахматном поединке между Р. Фишером и Б. Спасским.

¹¹ Обзор парковых шахмат см. Мельников М. Явки и пароли шахматных дикарей//Homepage.ru. О жизни в Москве, 10 сентября 2008. См. <http://www.homepage.ru/articles/202039-yavki-i-paroli-shahmatnyih-dikarey> Обращение к источнику 19 мая 2010 года

¹² Мониторинг интернет-сайтов и форумов московских шахматистов-любителей показал, что Царицыно относится к одной из наиболее часто упоминаемых парковых площадок столицы для игры в шахматы.

¹³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина М.: Новое издательство, 2007.

Места коллективной памяти не являются символически стабильными объектами: карты памяти по-разному считаются различными сообществами, и эти способы прочтения зачастую конфликтуют друг с другом: то, что для сотрудников музея Царицыно относится к исторической части парка, для шахматистов – территория их коллективной памяти.

Наделение пространства актуальным для участников сообщества смыслом происходит и посредством его материального присвоения и преобразования. Именно поэтому вещи, оснастка сыграли столь существенную роль в обретении царицынским шахматным сообществом разделяемого социального пространства. Участники сообщества в интервью подчеркивали, что столы для игры в шахматы были ими собраны самостоятельно. Сегодня это две прямоугольных крытых беседки со столами и скамьями, сколоченных из толстых, потемневших от непогоды досок (см. Илл.3). Еще есть стол под открытым небом, где иногда собираются игроки в карты и нарды, однако шахматисты здесь являются ключевыми акторами. Участники сообщества самостоятельно ремонтируют беседки и столы по мере необходимости. По словам старожилов сообщества, до начала реконструкции царицынского комплекса мест для игры было больше (пеньки, деревянные ящики, столы и скамейки без крыши), был даже отдельный столик, за которым собирались окрестные бабушки для игры в карты.

Проведенная реконструкция дворцово-паркового комплекса Царицыно стала водоразделом в жизни многих сообществ, поскольку радикально изменила привычную среду обитания. В советское время Царицынский парк был «неместом»¹⁴, где одновременно пересекались работающие советские учреждения, коммунальное жилье, заросшие развалины с остатками исторической памяти о прошлом, субкультурные ареалы и заброшенный пустырь сквозь который можно было пройти, но оставаться там надолго могли далеко не все. С обретением статуса историко-архитектурного памятника в середине восьмидесятых Царицыно всё еще продолжало жить как пространство без общего организующего центра, в котором язычники¹⁵, ролевики-толкиенисты и хиппи сочетались с волейболистами, гопниками, музейными работниками и милицейскими патрулями. Реконструкция переменила не только архитектурный облик Царицыно, но радикально перекроила социальную карту этого пространства, говоря языком городского физиолога, сменился «социальный тип» основного посетителя парка. Вырубка кустарника, возведение сплошной ограды, строительство музея, открытие фонтана, настил рулонных газонов и многое другое изменило антропологическую атмосферу царицынского парка. Толкиенисты и неоязычники не прижились в новой атмосфере – не потребовалось даже вмешательства милиции – обновленное Царицыно утратило ауру запустения, заброшенности, готической романтики, которая была столь важна для жизни ряда субкультур, и они покинули парк к радости администрации музея.

Шахматисты, хотя и поступились частью своей территории, но в парке остались. В период реконструкции сообщество шахматистов неожиданно проявило себя как ячейка гражданского общества, готовое бороться за свои права. Несмотря на

¹⁴ Мы трактуем понятие «неместо» не только как особый рода пространства, смысловой «вакуум», который разделяет места повседневной деятельности в интерпретации Марка Аже, но и как место «без свойств», доступное многим, но не принадлежащее никому. Юрисдикция здесь не столь важна, поскольку освоением подобных пространств занимаются различные акторы: молодежные субкультуры, бродяги, дети и подростки, криминальные элементы, прохожие. Об определении немест см. Augé, M. *Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. Translated by J. Howe, London: Verso, 2000 ;Kellerman A. 'International Airports: Passengers in an Environment of 'Authorities' // *Mobilities*, 2008 Vol.3 No.1; Benko G. *Introduction: modernity, postmodernity and social sciences// Space and Social Theory: Interpreting Modernity and Postmodernity*. Oxford: 1997, Basil Blackwell.

¹⁵ О капищах неоязычников в дореконструированном Царицыно см. Кренке Н.А. Капище общины «Коляда Вятчей»/Царицыно: археология современности. М., 2008. а также <http://berestof.livejournal.com/5210.html> Обращение к источнику 19 мая 2010 года.

конфликты, периодически сотрясающие мир больших шахмат¹⁶, шахматисты-любители не склонны к гражданской активности. И действительно, на начальном этапе реконструкции Царицыно местные шахматисты ничем себя не проявляли и даже позволили снести часть столов. По словам очевидцев, от полного уничтожения площадку спасло лишь то, что кто-то из членов сообщества оказался на месте событий рано утром, когда собственно снос и планировалось производить.

Итак, пространство стало предметом борьбы между администрацией парка и двумя сообществами – шахматистами и волейболистами. Реконструкция означала реновацию всего паркового ландшафта – прокладку новых дорожек, создание системы ливневой канализации, высадку рулонных газонов, вырубку кустарника и сухостоя. Нахождение волейболистов и шахматистов рядом с Большим Дворцом Царицыно не вписывалось в концепцию воссоздания исторического архитектурного и природного ландшафта. Фактически Большой Дворец разграничивает две парковые зоны. Со стороны фасада это преимущественно открытые пространства, тянущиеся от центрального входа, расположенного ближе к метро «Царицыно». Здесь расположены фонтан, церковь, ресторанные дворики, то есть парадно-видовая часть парка. Многие посетители вполне удовлетворяются её осмотром, надолго замирая у фонтана или фотографируясь на фоне общего вида на царицынский комплекс. С другой стороны Большого Дворца вначале мы попадаем на большую поляну с одиноко растущей сосной - знаменитое место ежегодных хипповских тусовок. Затем начинаются тенистые аллеи парка, и в самом их начале можно увидеть столы шахматистов и вытопанные полянки, используемые как волейбольные площадки. То есть и шахматисты, и волейболисты заняли пространство, близкое к музейной части Царицыно, а поэтому неизменно поминаются недобрым словом сотрудниками дворцово-паркового комплекса.

Во время реконструкции руководство музея предложило волейболистам и шахматистам переместиться в дальнюю часть парка, где были подготовлены площадки. И те, и другие отказались, и в свою очередь стали обращаться к городским властям с требованиями оставить их на прежнем месте. Следует подчеркнуть, что инициаторами письменных обращений выступили волейболисты – это хорошо организованное иерархическое сообщество, имеющее собственного активного лидера. Волейбол – игра командная, в Царицыно играть в волейбол ходят семьями, что способствует дополнительной сплоченности этого сообщества(см.Илл.2). Шахматисты, напротив, индивидуалисты и не склонны к коллективному действию.

В борьбе за пространство аргументация сообществ заключалась в следующем: во-первых, они апеллировали к продолжительной истории своего пребывания в Царицыно, во-вторых, волейболисты акцентировали внимание на неблагоприятной экологической ситуации в месте расположения новых площадок, в-третьих, шахматисты считали предлагаемые места неудобными – они расположены в большей удаленности от станций метро. Наконец, волейболисты указывали на «неблагоприятную розу ветров» на вновь построенных игровых площадках. В свою очередь, работники музея последовательно выступали против присутствия обоих сообществ в центральной части Царицыно. И если с шахматистами, занимающими относительно мало места и являющимися *«безвредными людьми, пенсионерами»*¹⁷ они

¹⁶ Заслуживает внимания острый конфликт в Российской шахматной федерации, в который оказались втянуты известные политики и шахматисты Анатолий Карпов, глава Республики Калмыкия Кирсан Илюмжинов, Гарри Каспаров, помощник президента России и глава наблюдательного совета РШФ Аркадий Дворкович. Конфликт вышел на политический уровень. См. Пыльнова Д., Шкрылев Д. Шахматная война//Новая газета, 2010, №58(2 июня); Доспехов А. Анатолий Карпов сделал ход судом. Борьба между ним и Кирсаном Илюмжиновым переходит в юридическую плоскость//Коммерсантъ, № 123/П (4423) от 12.07.2010.

¹⁷ Источник: экспертное интервью с экс-директором музея-заповедника «Царицыно» В.В. Егорычевым, 8 июля 2010 г.

готовы были смириться, то волейболисты до сих пор вызывают негативную реакцию. Почему? По мнению сотрудников музея, территория, примыкающая к Большому Дворцу и Хлебному дому, относится к старейшей части парка, нуждающейся в полной музеефикации с сохранением деревьев и травяного покрова. На детских экскурсиях волейболистов иногда приводят в качестве отрицательного примера незначительного отношения к природе. Также сотрудники музея используют аргументацию эстетического характера – соседство волейбольных площадок и столов для игры кажется неуместным в контексте сложившегося исторического и архитектурного ландшафта. Итак, волейболисты дезавуируют образ современного Царицыно как паркового комплекса, подвергнутого тотальной музеефикации с возвращением этой территории некоего аутентичного вида и функционала. Другой вопрос, что считать аутентичным в случае Царицыно – долгострой екатерининской эпохи, романтические руины XIX в., дачные места начала XX в. или столь эклектичный советский период, где коммуналки соседствовали с лыжной базой и элементами культурного отдыха советских граждан? Итог противостояния между сообществами шахматистов, волейболистов и музейной администрации оказался не пользу последней – вокруг реконструкции и так возникло столько медиа-скандалов, что еще один конфликт оказался не нужен. Волейболисты и шахматисты остались на отвоеванном пространстве, ставшим для них точкой сборки культурной и социальной памяти.

Сообщество царицынских шахматистов организуется по сетевому признаку. Новые участники рекрутируются непосредственно из числа посетителей парка - как говорили сами шахматисты, гуляя по Царицыно, они обращали внимание на группы людей вокруг столов, подходили из любопытства и, увидев, что здесь можно играть в шахматы, становились постоянными участниками. В шахматы играют круглый год и в любую погоду - около полудня приходят первые игроки, с наступлением темноты парк покидают последние. Всего в шахматных беседках собирается до шестидесяти человек – на одну пару играющих приходится по пять-семь зрителей. Между участниками поддерживается коммуникация посредством телефона – интернетом почти никто не пользуется в силу преклонного возраста. Преимущественный состав сообщества – пожилые и очень пожилые мужчины – старейшему участнику исполнилось девяносто два года. Многие являются отставными кадровыми офицерами, служившими в шестидесятые-семидесятые годы, когда престиж офицерской службы был на высоте. Поэтому, несмотря на возраст, они сохранили следы военной выправки и уверенность в себе. В манере одеваться они также чем-то неумовимо похожи: например, летом это чаще всего старомодные серые брюки, светлая рубашка с коротким рукавом, иногда бейсболка – универсальный наряд небогатого постсоветского пенсионера.

И хотя сами члены сообщества говорили, что играть в шахматы в парк иногда приходят женщины, за весь период нашего включенного наблюдения гендерный состав оставался гомогенным. Так что данное сообщество можно смело назвать мужским клубом, где главная цель – игра в шахматы - сочетается с функцией грубоватого мужского общения: обсуждения новостей футбола, городской жизни. Политика редко становится предметом разговоров – избегать этой темы предпочитают, чтобы не нарушать мирное течение жизни сообщества. Охрана парка и милиция следит за тем, чтобы на территорию не проносились и не распивались алкогольные напитки. Но исполняется этот запрет плохо – и обычные посетители парка, и шахматисты признают, что иногда приносят с собой алкоголь. По результатам включенного наблюдения можно констатировать, что выпивают шахматисты либо в честь «мужских», военных праздников (23 февраля, 9 мая), либо по случаю какой-нибудь важной победы их клуба на городских турнирах. Алкоголь в процессах коллективной социализации членов

шахматного сообщества Царицына играет третьестепенную роль: игра в шахматы – намного важнее.

Состав участников не ограничивается исключительно пенсионерами – среди постоянных членов сообщества есть несколько тридцатипятилетних-сорокалетних мужчин, после работы приходящих на площадку. То есть социальное воспроизводство сообщества происходит вполне успешно. На первый взгляд, царицынские шахматисты существуют без иерархии и открыты для всех: начать игру может любой желающий, способный держать в руках шахматы. И всё же в сообществе есть свои неформальные лидеры и правила. Лидерами считаются более опытные игроки, а также те участники сообщества, для которых шахматы являются профессиональным занятием. За несколько лет до реконструкции сообщество обрело легальный статус шахматного клуба, не в последнюю очередь благодаря его наиболее профессионализированной части – и официальная регистрация клуба стала дополнительным козырем в борьбе за свое пространство в Царицыно. Так, по отзывам участников сообщества, его интеграции в московский шахматный мир содействует В.Д. Воеводин, неоднократный победитель турниров по быстрым шахматам («блицу») и руководитель детского шахматного клуба «Талёнок». Несмотря на декларируемую демократичность, все-таки более сильные игроки предпочитают играть с равными себе, тогда как слабые, разложив доску и расставив фигуры, могут некоторое время ожидать желающих сыграть партию.

Шахматы и шахматные доски, которыми пользуются члены царицынского сообщества, заслуживают отдельного внимания. На фоне огромного выбора шахматного инвентаря шахматисты Царицыно выглядят бедно – они не покупают дорогие шахматные наборы из оникса, ценных пород дерева или стекла. Они предпочитают старые деревянные или пластиковые шахматы советского производства, а шахматные доски и вовсе изготавливают самостоятельно. Увидев царицынского шахматиста на аллеях парка, вы не сможете определить его принадлежность к этому уважаемому сообществу – под мышкой он не будет держать аккуратный шахматный набор, скорее он будет нести мятый полиэтиленовый пакет неопределенного блеклого цвета или холщовую сумку мышиного оттенка. Обычный деревянный шахматный набор со складной доской весит слишком много для пожилого человека, да и шахматы в нем ощутимо гремят при носке, а поэтому пользоваться такими наборами в условиях парка не слишком удобно. Изготовленных вручную шахматных фигур мы не встречали, но шахматные доски почти у всех членов сообщества ручной работы.

Стоит напомнить, что в СССР многие вещи делались в домашних условиях, изобретались и собирались из подручных материалов: товарный дефицит и низкое качество промышленной продукции заставляли советских людей проявлять творческую инициативу, создавая материальный мир для себя¹⁸. Этот феномен нашел отражение в творчестве И. Кабакова и московских концептуалистов, обыгравших кустарность советского материального мира в своих инсталляциях. Ну и конечно, многие из царицынских шахматистов могли бы стать героями арт-проекта В. Архипова, который на протяжении ряда лет фотографирует, выкупает у хозяев самодельные бытовые вещи, а также сопровождает каждую вещь нарративом её хозяина о процессе создания¹⁹.

¹⁸ Линор Горалик отмечает эту особенность советского потребления применительно к одежде: «У человека, интересующегося историей бытования костюма в XX веке, создается впечатление, что масштабы, которое женское (а зачастую и мужское) рукоделие приобрело в Советском Союзе, практически несопоставимы ни с одной развитой страной того же периода. Кажется, за редчайшими исключениями не существовало советской семьи, в которой представители хотя бы одного поколения не умели бы создавать одежду своими руками: шить, вязать, на худой конец – ушивать или перешивать приобретенные другими путями вещи». См. Горалик Л. Антросоли памяти: воспоминания о костюме 1990 года//Новое литературное обозрение, 2007, №84.

¹⁹ См. тематическое издание: Вынужденные вещи (105 штукovin с голосами их создателей из коллекции *Владимира Архипова*). Москва: Типолигон, 2003.

Создателями вынужденных вещей часто оказываются именно пенсионеры. Большинство царицынских шахматистов приносит с собой складные шахматные доски, изготовленные из бытового картона, куда сначала наклеиваются черные и белые клетки, а затем всё поле ламинируется наносимым слой за слоем скотчем. Получается непромокаемая, легкая и удобная конструкция. Некоторые доски сделаны с большим творческим размахом. Один из участников сообщества показал нам доску, которую он оставлял под крышей беседки: квадратный лист текстолита с наклеенными на него картонными шахматными клетками, вырезанными из упаковки молока «Вкуснотеево» (см. Илл. 1). Марка молочного производителя определялась сразу – на клетках опознавались фрагменты рисунка коровы и названия молочного бренда. Как рассказал сам изготовитель, выбор текстолита в качестве основы объясняется наличием дома этого материала, да и «под дождем он не размокает». Впрочем в беседках шахматные доски стараются не оставлять – «воруют, хотя и не нужны никому».

Реконструкция музейно-паркового комплекса 2005-2007 гг. обнажила важные вопросы принадлежности этого пространства. Речь идет не столько о юрисдикции, сколько о фактическом «населении» царицынского парка. Конечно, с появлением музея, именно он – а сегодня и его посетители – кажутся основными «хозяевами» Царицыно, однако в зарослях парка до периода реконструкции появились и прижились различные субкультуры и сообщества, которые сформировали особую антропологическую среду. Эти сообщества далеко не всегда вели себя дружелюбно в окружающем их пространстве – например, разрушению башни-руины способствовали альпинисты, использовавшие её для тренировок, а неоязычники устраивали свои капища на месте курганов. Вопрос заключается в том, в какой мере названные сообщества, такие, как шахматисты и волейболисты, остаются частью уникального социокультурного ландшафта, формируя образ Царицыно, не только как стерильного пространства «культурного отдыха», но и как территории, обогащенной присутствием на ней различных субкультур? В конце концов, мифология лондонского Сохо, копенгагенской Христиании, нью-йоркской Гринвич-Виллидж, французского Монмартра укоренена не в архитектуре, а в жизненном мире сообществ, населявших эти районы в разное время. Безусловно, Царицыно – это немного другой случай, но субкультурная составляющая этого пространства, коллективная память сообществ, для которых парк надолго стал своим местом, может быть органично вписана в историю комплекса, обернувшись частью царицынской мифологии.

Точно так же и ценность сообществ не заключается в музейно-исторической составляющей. Если история и жизненный мир царицынских сообществ окажутся лишь экспонатами, появится риск их *мумификации* – когда помимо материальных артефактов и аккуратно записанных антропологами нарративов от сообщества ничего не остается. Между тем, царицынские сообщества, сохранившиеся в трудных условиях, ценны самим фактом своего заселения парка, с их участием формируется образ Царицыно, не только как памятника и зеленой зоны отдыха, но и как развивающегося социокультурного пространства, открытого для различных действий и интерпретаций²⁰.

До настоящего времени вопрос о месте сообществ в обновленном Царицыно остается открытым. Сотрудники музея признают право шахматистов и волейболистов на собственное пространство в пределах парка, однако мечтают отодвинуть это

²⁰ Показательно, например, появление фотографий шахматистов и волейболистов на видном месте в общей фотографической панораме жизни парка, представленной в альбоме: Гольдин И. Царицыно. Императорский дворцово-парковый ансамбль для людей. Книга-альбом в 2-х томах. Т.1. М., Некоммерческое партнерство объединение КСОК, 2010.

пространство на территориальную и культурную периферию комплекса. Другая проблема заключается в поиске адекватного формата взаимодействия между администрацией Царицыно и стихийно возникающими сообществами. Очевидно, излишне тесные отношения сообществ с музеем тоже имеют определенные риски превращения жизни сообществ в туристический аттракцион. Американские исследователи отмечают, что подобная судьба уготована многим паркам, являющимся историческими памятниками: «В этом новом столетии мы сталкиваемся с различными угрозами публичным пространствам, которые заключаются не в их недостаточном использовании, но в применяемых образцах проектирования и управления, которые способствуют эксклюзии отдельных групп людей и сокращению социального и культурного разнообразия. В ряде случаев эта эксклюзия является результатом преднамеренного сокращения числа нежелательных элементов, иначе говоря, это побочный продукт приватизации, коммерциализации памятников истории и определенных стратегий проектирования и планирования. Тем не менее, эти практики могут сокращать жизнеспособность и изменчивость пространства или реорганизовать его таким образом, что только один антропологический тип посетителя – чаще всего это турист или представитель среднего класса – приветствуется²¹».

Обретя современные гигантские выставочные площади, получив в свое распоряжение огромный поток посетителей, царицынский музей всё еще находится в поиске своего лица. Но что будет, когда ажиотаж пройдет? Стать ли ему машиной досуга – миксом из декоративной готики и ухоженного парка, или найти что-то уникальное, когда имперская история баженовско-казаковской эпопеи переплетается с дачными сюжетами XIX в. и микроисториями шахматистов и волейболистов, населивших парк в советский период и много сделавших для сохранения своей культуры впоследствии? Исследование этих сообществ показывает, что их микроистории органично дополняют исторический нарратив официального Царицыно, а само присутствие подобных сообществ обогащает социокультурный ландшафт дворцово-паркового комплекса.

Иллюстрация 1. Hand-made шахматная доска, изготовленная одним из участников сообщества царицынских шахматистов.

Иллюстрация 2. Энергичное сообщество волейболистов – ближайшие соседи шахматистов.

Иллюстрация 3. Столы для игры в шахматы были собраны участниками сообщества самостоятельно.

Иллюстрация 4. Шахматисты за игрой.

²¹ Low S., Setha T., Scheld S. Rethinking Urban Parks : Public Space and Cultural Diversity, Austin: University of Texas Press, 2005.